

дующее утверждение: «Тако нас наковзет господь и врачюя, яко многа богатество огнем потребися, иже от неправды собранное».²⁵ Произведен ряд сокращений (в том числе, как и в Повести о нашествии, опущены выдержки из Григория Богослова). В Степенной книге опущены многие общие места и некоторые детали (например, о том, что в Успенском соборе вместе с Макарием был протопоп Гурий).²⁶ При этом весь текст Повести подвергнут составителем Степенной книги сильной редакционной правке.

Таким образом, бóльшая конкретность изложения несомненно свидетельствует о первоначальности Рогожской редакции повестей. Обе эти повести (как и чудо о церковном тате) представляют собою типичные образцы церковной литературы, сложившейся в кругу митрополита Макария. Автор сам ссылается на Макария как на лицо, поручившее ему составить Повесть о нашествии 1521 г., а сам митрополит выступает как один из основных героев Повести о пожаре 1547 г. и чуда о тате.

Весь этот комплекс произведений написан с целью прославления русской церкви и имел совершенно определенное идеологическое звучание во время его составления, т. е. около 50-х годов XVI в.²⁷ Середина XVI в., как известно, была временем обострения классовой борьбы, выражавшейся как в восстаниях горожан, так и в подъеме реформационно-гуманистического движения. Одним из действенных средств борьбы с выступлениями эксплуатируемых масс населения страны являлась церковная литература, призывавшая народ к повиновению и послушанию господам.²⁸ В многочисленных посланиях, проповедях, житиях «святых угодников» и в других произведениях церковной литературы духовенство обосновывало и освящало идеологические позиции господствующего класса. С целью дискредитации учений «грешников» и поднятия престижа официальной церкви производились открытия мощей русских святых и распространялись легенды о чудесах, якобы творившихся всевозможными иконами и чудотворцами. Так, например, в начале 1553 г. в Новгородской земле, где ересь Феодосия Косого находила особенно горячую поддержку в народе, были открыты «нетленные» мощи архиепископа новгородского Никиты²⁹ (а позднее и архиепископа Ионы), и в связи с этим составлены различные сочинения, прославлявшие подвиги этих церковных деятелей. К тому же году относится специальное распоряжение Ивана IV «по многим градом писати святых книги».³⁰

В такой обстановке были написаны повести о нашествии 1521 г. и о пожаре 1547 г., в которых читателю сообщалось, что только благодаря чудодейственному вмешательству небесных сил Москва была избавлена от страшных бедствий. В них настойчиво проводилась мысль о том, что все несчастья ниспосланы богом «за грехи». Божий гнев настагает непокорных.³¹ Церковь, следовательно, старалась внушить мысль, что все по-

²⁵ ВБЛ, Рогожск. 82, л. 292 об.

²⁶ ВБЛ, Рогожск. 82, л. 293.

²⁷ Повести написаны не ранее пожара 1547 г. (пожар в Москве) и не позже 1563 г. (смерть Макария), скорее всего — непосредственно после этого пожара. Оба произведения, очевидно, составлены одновременно, ибо едины по своему идейному замыслу и манере изложения. Вместе с другими рассказами о чудесах, творившихся якобы иконами в Москве, они входят в цикл повестей о Владимирской иконе богородицы, помещавшейся в московском Успенском соборе.

²⁸ См. подробнее: А. М. Самсонов. Народные антифеодальные восстания в России и церковь. М., 1955.

²⁹ Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 86, 89.

³⁰ П. М. Строев Библиологический словарь. СПб., 1882, стр. 374

³¹ «Гнев божий приходит на сыны непокоривыя» (ВБЛ, Рогожск. 82, л. 286—286 об.).